

7 Кружозор 68

«Когда я впервые увидел терриконы — восхитился: во, сколько угля нарублено! Позже узнал — это порода, а уголь — нечто другое, менее приметное и лежащее глубже...»

В. Стеблянко.

Человеку, о котором я хочу рассказать, жизнь удалась. Таких называют баловнями судьбы, о таких говорят: счастливец, повезло... Но разве дело в везении? Василий Стеблянко сам строил свою жизнь. Идеалам подчинял характер, гнул долу славу, если чувствовал, что в какой-то момент она может превозмочь его.

Детство окончилось, когда Василию было семь лет. Он повзрослел преждевременно, как многие его ровесники. На глазах мальчика фашисты расстреляли отца. Всю войну скитался Василь по чужим людям; трудно привыкал к матери, которую не видел все эти годы (ее, жену партизанского командира, прятали по хатам, спасая от расправы), а в четырнадцать лет понял, как это важно — материнская любовь.

Василий служил в армии. Близилась демобилизация, и надо было принимать решение, на какую дорогу ступить. Стеблянко выбрал Донбасс, выбрал профессию шахтера. В двадцать восемь лет он, вожак лучшей бригады в Торезе, сдает экзамены за среднюю школу и поступает на заочное отделение Донецкого политехнического. Горняцкая жизнь — ежедневные испытания. В шахте каждый на виду, а бригадиром выбирают того, кому можно доверить жизнь.

Стеблянко невысок, сухощав, и голос у него тихий, и выслушать умеет. Но именно способность проникнуться заботами каждого расположила к Стеблянко людей. В тридцать один год Василий избирается депутатом Верховного Совета СССР. Ему присваивают звание Героя Социалистического Труда.

В. ТАМАРИН

3

Как видите, никакого везения не было. Была трудная, трудовая жизнь, и она продолжается. Менялись ситуации, но сохранялись качества характера — доброта, искренность, трудолюбие. Их не изменило время; награды и звания лишь активизировали способности, силу духа, с годами приходящую мудрость.

...Человек решительный, Стеблянко вдруг оробел, оказавшись наедине с репортерским микрофоном:

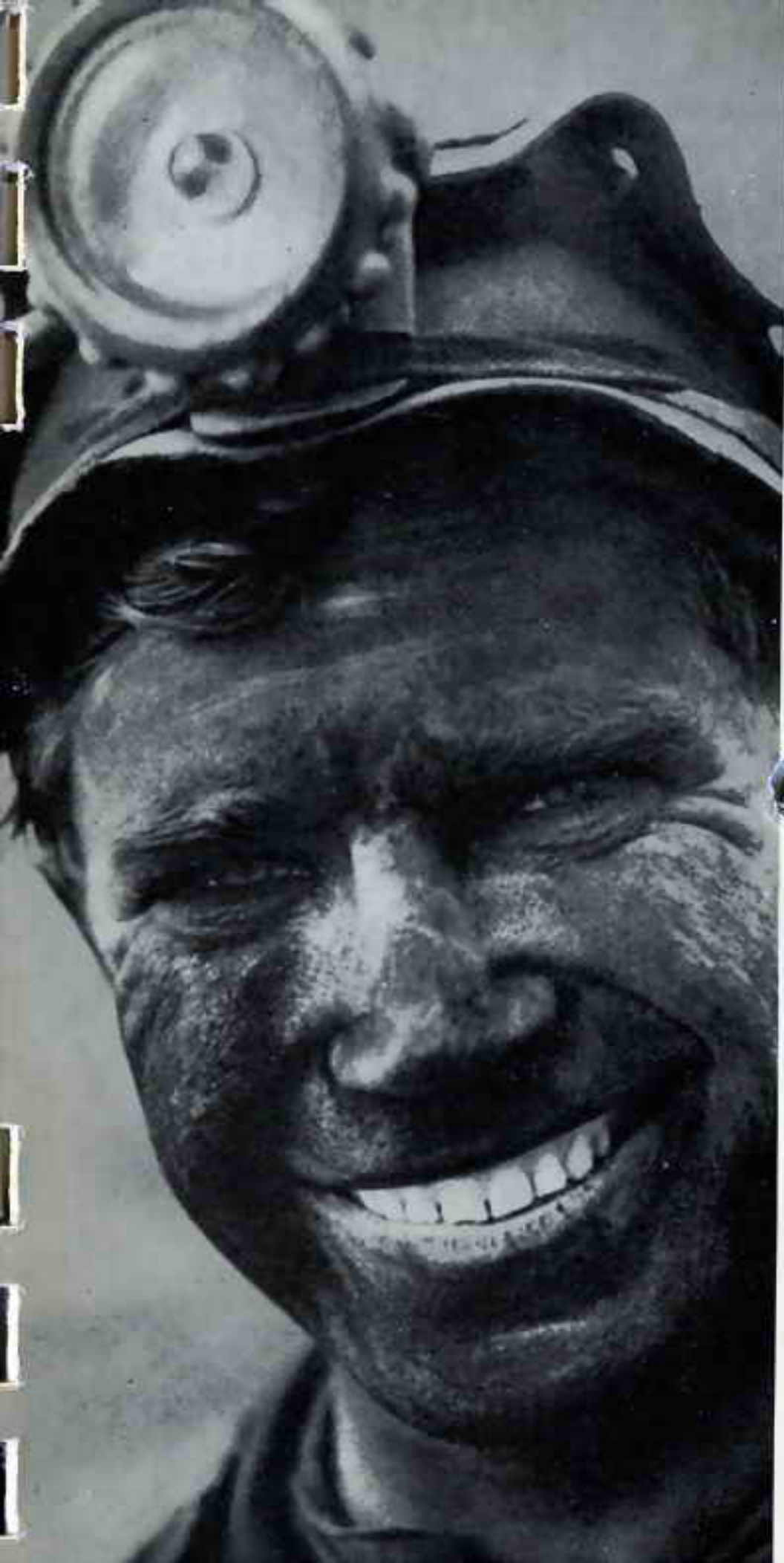
— Не получится у нас ни монолога, ни исповеди. И скажут: коряво говорит шахтер. Вот если бы разговор шел в забое, где все привычно и ребята под боком. Однако попробуем...

И я включил магнитофон.

г. Торез,
Донецкая обл.

ГОРИЗОНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Слушайте третью звуковую страницу журнала.

Надежда ПЕРМИНОВА

Перрон — большой пчелиный рой —
прилип к зеленой ветке поезда.
Мне уезжать из дому боязно
пусть даже в самый лучший край.
Еще ногами на перроне,
уже за поручни держусь
и чувствую: сейчас дождусь —
мой тепловоз гудок обронит.
И я вскочу в тот тесный тамбур
и буду думать: лучше там бы...
Но застучат уже колеса,
размазав лица, будки, шлак,
дома, сарай, красный флаг,
и вынесут меня в поносы,
где бабы с вилами, стога,
как бы уснувшая река.
Но это тоже мимо, мимо.
Колеса все быстрее, быстрее,
и я, как на ветру пырей,
втянусь в движение незримо...
О, вдохновение движенья,
ты окрыленности под статы!
Я удивлюсь тому мгновенью,
когда я думала отстать.
Но на одном степном перроне
мне тихо снажут: «Вам сходить».
И подойдут к вагону кони,
чтоб научить меня ходить.

г. Киров.

Петру ДУДНИК

Неся раснованность земле,
Идет в наступленье рассвет.
Штыками солнечных лучей
Темноту разгоняет рассвет.
Рассвет возвращает людям луга,
И реки, и друзей.
Рты пещер раскрыв широко,
горы кричат «ура».
Любимая, посмотри в окно:
Солнце рассвет подарил земле.
Наискось солнце перечеркнув,
Летят реактивные журавли.
Рвутся в синюю высоту горы и тополя.
Пытаются выше людей взлететь
горы и тополя.
А люди закатывают рукава,
Чтоб в мускулы солнце вобрать.
И поднимаются в полный рост,
Небо приблизив к земле.
Спокойное утро... Добрый рассвет...
И беспокойный век...

С молдавского. А. Дихтярь.

Курман ДУГУЖЕВ

Солнце катится за горы,
А работе краю нет.
Начинаю разговоры:
«Ясный день, послушай, свет,
Видишь, рано на покой,
Задержись на час-другой».
«Рад бы, — день сказал, — помочь,
Но нельзя. Обгонит ночь».

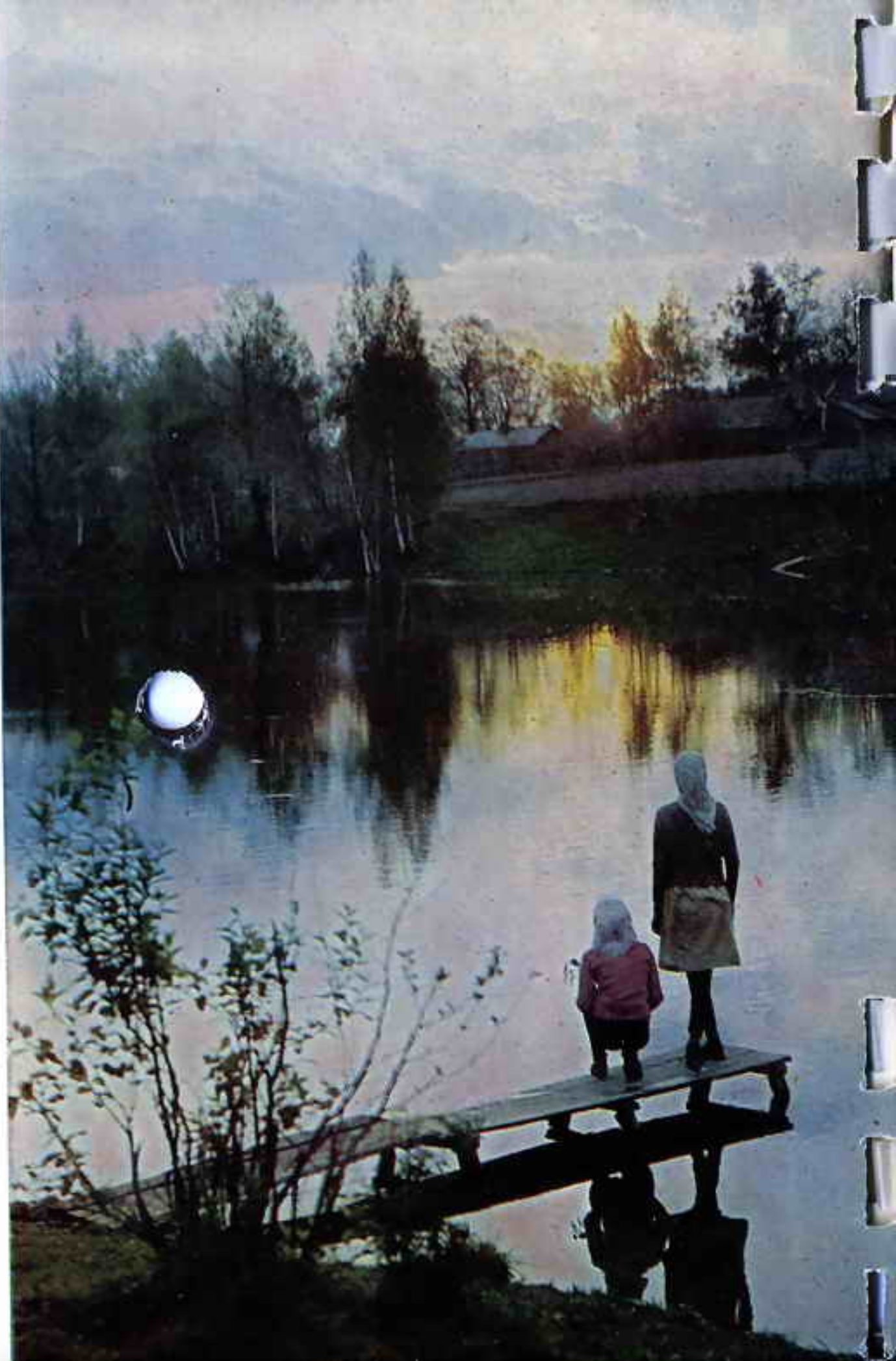
С черкесского. О. Фокина.

Мне сказали, что «Крутозор».
Получил очень много писем,
в которых читаю и слушаю
тебя, прозвон даю на пластинке
твоя песня М. Блантера,
картинку на мои стихи
«Врачи сохли родную кату».
Сам я также очень люблю
твою песню — особенно в исполнении
Марины Тереховой. По
этому пусть ее и открывает
из моих пластинок.

Апрель, 1962. М. Исаковский

4 **солдат**
М. ИСАКОВСКИЙ **из**
стихо
творения

Стихи «Враги сожгли родную хату» были написаны в 1945 году, когда Великая Отечественная война уже окончилась и победители—наши советские солдаты—стали постепенно возвращаться домой. И нет никакого смысла скрывать, что многие из возвратившихся очутились именно в таком положении, как солдат из моего стихотворения, у которого «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...».

но было далеко ходить: темы были тут же, рядом, и каждая из них жгла сердце, требовала, чтобы и ее не забыли. И, таким образом, как бы само по себе возникло стихотворение «Враги сожгли родную хату» — стихотворение, как мне кажется, скорбное, но в то же время правдиво говорящее о неисчислимых жертвах и трудах русского солдата, который, несмотря ни на что, спас всю Европу, весь мир от гитлеровской чумы.

Достаточно взять хотя бы ту самую деревню Глотовку, Смоленской области, в которой я родился и вырос. К моменту прихода туда советских войск в Глотовке не было ни одной постройки — все было сожжено. Что касается людей, то в Глотовке каким-то чудом уцелел лишь один полумертвый от голода старик. Все остальное население либо погибло, либо бежало куда глаза глядят...

Таких деревень только на одной Смоленщине было тысячи. И за темой для стихотворения не нуж-

Лучеса, Ласково, песенно звучит имя смоленской деревни, где побывал наш корреспондент А. Лидов. Биография деревни точно повторяет историю, рассказанную поэтом: четверть века назад на пепелище торчали лишь трубы печей. Давно засыпаны землянки, на их месте — девятисто домов.

На снимках: Сергей Яковлевич Фомченков — участник гражданской и Отечественной войны, старожил Лучесы.

Вечером идет околицей гармонь. Как не откликнуться ей?

Самые маленькие жители Валя и Петя. Для них Лучеса всегда была, всегда будет!

В ЗВУКОВУЮ КНИГУ О ЛЕНИНЕ

Уже более десяти лет почти ежегодно я отправляюсь в туристские заграничные поездки. Швеция, Чехословакия, Польша, Англия, Франция, Италия... Казалось бы, что может дать краткое пребывание в стране, где Ленин прожил годы? Многие ль узнаешь, осматривая бедные, полупустые комнаты в крестьянских и рабочих домах на улочках Лонжюмо, Поронино, Парижа, Лондона? Я не стану убеждать, что, совершив хотя бы одну из подобных поездок, вы откроете для себя что-то чрезвычайно новое, до сих пор еще не понятное вами, не слыханное. Наверное, такого не случится. Но не случайно говорю «наверное». Может быть и совершенно иное. Однажды, в одной из первых поездок, мне пришлось пережить необыкновенно острое чувство встречи с Лениным.

Я приехал во Францию, чтобы разыскать школу Лонжюмо, открытую Владимиром Ильичем в пригородах Парижа. В школе учились русские революционеры. Лекции читал Ленин.

Лонжюмо — маленький городок, настолько маленький, что и городком его, пожалуй, называть спорно, хотя административно он таковым значится. Поиски начались с расспросов старожилов. Их собралось несколько — семидесятилетних, старых, сухощавых французов с выгоревшими лицами. Они были суетливы и, казалось, несколько раздражены, но это было только первое впечатление и, как потом выяснилось, обманчивое. Просьбу выслушали внимательно, одобрительно кивали, повторяли между собой:

— О, месье Ленин!

...Мы вошли в затемненный двор, узкий и длинный. Французы позвали хозяина.

— Дюшон, — представился пожилой человек. — Вас интересует, где была школа Ленина? Пойдемте. — Он провел нас в мастерскую, где во всех углах было уложено железо разных профилей.

— Мой отец, Дюшон-старший, в 1911 году сдавал мастерскую русским учителям. Здесь все сохрани-

ОТКРЫТИЕ ЛОНЖЮМО

лось, как было пятьдесят лет назад. Даже этот древний горн, хотя в нем давно уже нет надобности, и это большое окно, как видите, забранное в старую мелкую ячейку, и эта ныне ненужная дверь с выходом на бывший пустьрь, ею часто пользовались русские... Когда мы узнали о революции в России и о том, что Ленин — вождем этой революции, отец говорил, что русские обязательно приедут в Лонжюмо... С тех пор прошло много лет, но никто не приезжал. После войны, где-то сразу, заезжали ваши корреспонденты, но буквально на несколько минут. Вы первый советский писатель в моем доме.

— Вы часто видели Ленина. Помните его? — спросил я месье Дюшона.

— Мне тогда было пятнадцать лет. Каждое утро, когда русские собирались в мастерской, туда приходил Ленин. Иногда он разговаривал со мной. Интересовался, как идут дела в школе. И, улыбаясь, хлопал по плечу: «Видишь, какой ты молодец! Я рад за тебя. Значит, понимаешь, что учиться — крайне важно!»

...И вот тогда впервые в мастерской, слушая месье Дюшона, я почувствовал присутствие Ленина, именно почувствовал, может, потому, что здесь не было музейной прибранности, все вещи жили своей жизнью, будто забытые временем. Что-то происходило во мне самом, чего я раньше не наблюдал, не чувствовал; это рождалось в разговоре с месье Дюшоном, как потом рождалось при встречах в Лондоне, Стокгольме, Праге, открывалось недоступное для меня ранее в жизни и деятельности великого человека. Я как бы заново открывал чужие города, чужое небо, чужие дали, под сенью которых более чем полвека назад рождалась новая судьба России.

Мих. СОКОЛОВ

г. Ростов-на-Дону

Слушайте первую звуковую страницу «Кругозора».

Портрет В. И. Ленина. Париж. 1910 год.

Лонжюмо. Rue des Ecoles. Весной и осенью 1911 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна проживали на этой улице.

Rue Grande. Здесь помещалась партийная школа.

М. Д. Соколов, автор романа «Искры», посвященного деятельности В. И. Ленина в период второй эмиграции, работает над образом Владимира Ильича много лет. В 1921 г., будучи курсантом Свердловского университета, слушал Ленина на IX съезде Советов.

Я задумал ее давно, за-долго до денежной ре-формы, когда о ней ни-кто и не помышлял — (сказка о разбитом на гривенники рубле—ред.). Так было у меня с Гре-надой: когда я написал это стихотворение, мало кто знал о Гренаде, а потом начались испан-ские события. Так было с Каховкой: безвестное село, а там построена электростанция.

Михаил СВЕТЛОВ

В искусстве обязательно должен наступить тот момент, когда золото на-чинает серебриться, и тогда оно становится еще дороже.

Подснежники боялись показаться из-под снега, потому что они считали, что снег — это мачеха.

Официанта райпище-торга обязали быть офи-циантом на Олимпе. «Им, богам, хорошо, — жало-вался официант. — А меня-то трест послал на вы-соту по службе, а на вы-соте чаевые дают облака-ми, а у меня двое де-тей...»

Художник — это абсо-лютная мобилизация ря-дом с небрежностью.

наброски к ВЗРОСЛЫМ СКАЗКАМ

— Ты хочешь есть?
— Нет.
— И я не хочу. Давай закажем одно «хочу» на двоих...

Ночь была очень тор-жественна, девочка шла и шла, и луна возвыша-лась над нею, как старая вдовствующая императ-рица, которая все еще мечтает выйти замуж за какого-нибудь короля.

С правой стороны вы-скочил страдающий бес-сонницей заяц, с лю-бовью поглядел на девоч-ку и сказал:

— Ничего не бойся, де-вочка, во мне ты всегда найдешь верного защит-ника.

Стрекоза, усевшаяся на ее блузочке, между тре-тьей и четвертой пуго-вицей, ничего не сказала: она от рождения была глухонемой.

Чем хороша опасность? Тем, что от нее некуда деваться.

Идет старик. А девочка полна сказки, полна меч-таний.

— Слушай, старик, ты когда-нибудь был мальчи-ком?

— Не помню, — угрю-мо ответил старик.

— А ты помнишь де-вочку, которую ты любил?

— Давно это было.

— Куда ты идешь?

— Я иду за пенсией.

Девочка стала фантази-ровать. Она приняла обыкновенную будку об-ходчика за волшебную, и, как это ни странно, буд-ка оказалась действи-тельно волшебной.

Кассирша, утомленная семейными дразгами, взглянула на нее пьяны-ми глазами, потому что и у пьянства и у горя глаза одинаковые.

— Девочка, я устала оттого, что все, буквально все, приходят ко мне за звездами. Девочка, будь доброй, попроси у меня пылинку...

Девочка обнаглела:

— Дайте мне самую большую пылинку, какая у вас есть.

И тогда старая, утом-ленная кассирша, у кото-рой плохие соседи и у которой всю ночь в ушах было трамвайное движе-ние, выдала ей пылинку величиной с земной шар.

Девочка сказала:

— Пожалуйста, пригласите меня в гости.

И вот она пошла к ней в гости.

Показать жизнь рядо-вой, трудовой женщины. Малейшую трещину в та-буретке показать.

Девочка никогда не бы-ла на море. И вдруг ей показалось, что на мор-ской глади возник лун-ный столб.

Частная капиталисти-ческая яхта рассекла этот столб. Владелец этой яхты был лично знаком с замечательным сказочни-ком Александром Грином. Он страдал бессонницей и избородил все моря в поисках страны, где мож-но задешево покупать сны.

И девочка через мно-гие морские мили крик-нула капиталисту:

— Я вам отдаю свои сны бесплатно, у меня их так много!

Из архива писателя

Рисунки
Ю. Красного

*Надежная
сила
сплоченности,
прекрасное
чувство
солидарности*

9

В предфестивальные дни, когда София становится средоточием воли, стремлений, мечты молодежи пяти континентов, корреспондент «Кругозора» Эра КУДЕНКО встретила с хозяевами праздника.

Рассказывает главный режиссер фестиваля Асен Траянов:

— Мы живем в сложное время, и, понятно, молодым хочется четко определить свое отношение к происходящим событиям. Поэтому политическая насыщенность — естественное требование большинства делегаций, предъявляемое к фестивальной программе. Каждый день будет отмечен особым девизом, посвящен проблеме, волнующей молодежь.

В фестивальном календаре — день солидарности с народами, которые

борются за свою независимость и освобождение, день защиты прав человека, манифестации против ядерного оружия, день развития революционных, национальных и патриотических традиций.

Мы надеемся, что в день дружбы с молодежью Болгарии каждый гость почувствует себя болгаринном. Самую красивую девушку — мисс Фестиваль — выберут участницы бала в зале «Универсиада».

Огромным фанельным шествием по улицам и площадям Софии завершится день солидарности с борющимися Вьетнамом. А начнется короткими митингами в каждом из четырех фестивальных городков, где выступят известные борцы за мир, писатели. В этот день молодежь будет работать. Подарки вместе с со-

бранными средствами будут отправлены во Вьетнам.

Зрелище фестиваля, нам кажется, должно взволновать каждое сердце, ибо нет силы надежнее сплоченности, нет чувства прекраснее солидарности.

Лиляна Барова, солистка Софийской оперы, народная артистка Болгарии:

Надеюсь, что праздник засияет соцветием разноязыких песен, подарит слушателям созвездие певцов.

Моя страсть — камерная музыка, ибо здесь певца не связывает сценическое действие, костюм, мизансцены. В камерном концерте ты наедине с залом. Но именно поэтому для меня гораздо труднее «сделать» одну песню, чем подготовить оперную партию. Камерные вещи требуют особой работы, а концерт — единого стиля. Мне довелось выступать во многих оперных театрах мира, но настоящим открытием была встреча с советской публикой. Я не предполагала до сих пор, что камерные произ-

ведения способны вызвать в слушателях такую лавину чувств...

В ближайшие два года хочу подготовить программу из песен и романсов Мусоргского. Разумеется, петь буду на языке оригинала, тем более, что русский я изучала еще в школе, он мне близок с детства. Но сейчас — фестиваль...

Александр Иосифов, болгарский композитор и дирижер:

В музыке я тяготею к крупным формам — ораториям, кантатам. Сейчас я работаю над вокально-симфонической поэмой на слова московского поэта Петра Вегина. А к фестивалю подготовил несколько песен. Лирические — «Аромат розы» и «Мой город тебя любит» и драматическую балладу «Девушка, которая не приехала на фестиваль». Баллада посвящена вьетнамской девушке, делегату фестиваля, сражающейся в джунглях. Она не смогла приехать в Софию: она боец, а у нее на родине идет война.

Большая честь — вынести свои произведения на суд молодежи. Все мы будем рады, если наши гости увезут на ро-

дину не только зримые черты Болгарии, но и наши песни.

На девятой звуковой странице журнала вы услышите песни болгарских композиторов, посвященные фестивалю. Записи сделаны в студиях Софийского радио.

ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

«Сан-Симон» — магазинчик против крепости Сан-Карлос на другой стороне улицы Амакуро-а-Хабонейра. Симон Нееме — хозяин. С детьми играет в футбол, становится вратарем посреди мостовой между двух кирпичей. Завладевает: когда по крутой Амакуро сливается в ручьи дождь, он пускает катушку с ниткой по течению, а сам отматывает нитку, беспечно стоя на пороге своего магазина.

Симон — приезжий в Каракасе, вообще в Венесуэле. Он сириец, говорит по-испански излишне твердо, горлово. Иногда вместо слов смотрит исподлобья, как нерешительный мальчик, а потом вдруг улыбается. Удивительно хорошеет, когда улыбается. Он предлагает солдатам сигареты. Он подходит на зов к самому углу крепости. Вверху, на столбе, прикрытом, как настольная лампа, нивает обрадованный часовой. Симон слушает, задрал голову, солдат объясняет ему о бутылке кока-колы, о еще прошлом должке... Симон идет за бутылкой, привязывает ее к спущенной веревке. Солдат наверху пьет, обливает пальцы и автомат на груди. Потом солдат заботливо спускает бутылку обратно Симону, но Симон излишне нежен с грузом, и скользкая бутылка хлопается об асфальт. Симон торопится обратно в магазин, солдат соблезнующе чокает языком, на веревке качается горлышко... Солдат смотрит вслед: он каждому прохожему обязан смотреть вслед.

В крепости сидят коммунисты. Вокруг Сан-Карлоса мертвая, запретная зона.

Крепость Сан-Карлос охраняет себя сводным батальоном внутренней службы, охраняет танками, агентами в штатском — тайной полицией. По крышам домов наклонно стоят, как помпейские статуи, неподвижные часовые.

На кровле дома, к которому приближается Симон, тоже стоит солдат. У дверей магазинчика стоит часовой, посторанивается...

Но у Симона доверчивый, нерешительный нрав. Он легко верит в долг. И в крепости выписали ему круглосуточный пропуск на проезд. Симон выезжает прямо из склада своего магазина на пикапе «шевроле» выпуска 1959 года, приветственно машет ладонью экипажу танка (танк тоже дежурит против его магазина) и едет за город, за сорок — пятьдесят километров, всякий раз в новое место, и там тайком ссыпает из мучных кожаных мешков землю, а потом возвращается, тщательно вычищенный, и выгружает эти пустые мешки у себя на складе.

Симон упорно ведет уже три года торговлю на этой окаменелой улице, а напротив живут политзаключенные.

Симон снова выходит на улицу с мячом и двумя кирпичами под мышкой, он не ждет, пока сбежится его уличная команда, он роняет на мостовую один кирпич, потом второй. Раздается печной, глиняный треск, как об пустоту...

А в крепости Сан-Карлос политзаключенный Помпейо Маркес пишет книги: «Аграрная реформа, латифундизм и империализм», «За свободную родину»; он один из руководителей ЦК Компартии Венесуэлы. Еще двое рядом с ним, за одним столом, делают заметки, спорят. Гильермо Гарсиа Понсе, известный член патриотической организации, поднявшей в январе 1958 года народное восстание... Теодоро Петков, один из наиболее способных молодых руководителей венесуэльских коммунистов. Трое людей, необходимых партии руководителей, необходимых на свободе, в действии, в борьбе — они сейчас забота Компартии Венесуэлы, забота номер один!

Кирпичи из рук Симона падают точно посреди мостовой. Внизу, под мостовой, под кабелями и канализацией, на глубине четырех метров, в узком тоннеле комсомольский работник Нельсон Лопес прислушивается к удару, ориентируется в направлении. Он работает по четкому, детальному плану партии. Он, как шахтер, ведет штрек в сорокаградусной жаре — роет бесшумно. Слепяще горит лампочка за плечом. Шуршит вентилятор.

Три года по заданию партии, по детальному плану Нельсон Лопес и его товарищи ведут тоннель, ведут подкоп под Сан-Карлос.

...Ручей унес катушку, катушка отматывает нитку. Оп! Катушка дотекла до угла крепости. Длина нити — 25,4 метра. Тоннель будет иметь вдоль улицы 25,4 метра. Дальше — поворот перпендикулярно крепости. Упала на углу бутылка из-под кока-колы — это Лопес уже подошел точно к углу Сан-Карлоса. Он слышит под землей стенольный удар об асфальт. Точно! 44,4 метра пройдено...

Три года идет подкоп. Симон Нееме — партиец с 1958 года — стоит над люком в своем магазине. Полчаса остается до семи вечера, до того момента, как по плану операции «Книга» на другом конце тоннеля Нельсон Лопес подымет домкратом слой цемента — пол угловой камеры — и сделает второй люк.

Операция «Книга» потрясла мир. Компартия Венесуэлы показала себя четко организованной силой. Еще до побега, благодаря международной солидарности, удалось вырвать из этой крепости Хесуса Фариа. Волна мирового общественного мнения расшатала и другие углы Сан-Карлоса. После спасения троих из крепости вышли на свободу другие коммунисты. И среди них Густаво Виллапаредес.

Фото Л. Л а з а р е в а

КОММУНИСТ —

ЭТО БОЕЦ

*Тысячу дней
они прокладывали путь
в 44 метра. Тысячу дней
их караулила смерть.
Тысячу дней они готовили побег
товарищей.*

*На звуковой странице—
документальный рассказ
венесуэльских коммунистов
Симона Нееме (см. фото)
и Густаво Виллапаредеса.*

Песня пропета в фильме тридцать лет назад. Ее помнят и узнают. Но как исполнить песню сегодня, чтобы прозвучала она и знакомо и по-новому?

Иной раз песню подновляют как дом. Перекрывают ветхую крышу, заново стелят полы. Стучат топоры, визжат пилы, дом, глядишь, и готов, только кто-то в суматохе, сгоряча пристукнул сверчка. Душу песни.

Надо осторожно.

Одним из первых слушателей будущей пятой звуковой страницы сел я у магнитофона, вооружился наушниками. И услышал давнюю «Колыбельную» Дунаевского из фильма «Цирк». Впрочем, уже не из фильма.

Это был голос другой певницы. Песня звучала в иной, современной аранжировке.

Конечно, песня — это кусок жизни, это частица нашего сердца, след пробежавшего времени. Новая запись не приемлет прямых ассоциаций. Песня ушла из фильма. Но, может быть, «Колыбельная» Дунаевского — нечто большее, чем «Колыбельная» из «Цирка»?

Песня про «дымку золотую придорожную» вязалась с воодушевленным голосом Орловой, «Волгой-Волгой», с возникавшим на контрапункте забавным, окаяющим хором басов-бородачей. Сейчас, в новой записи, песня «дисциплинирована», выправлена голосами сегодняшних ребят, перевооружена новым стилем и ритмом исполнения.

Вправе ли был так поступать автор аранжировки Владлен Махлякин? По моему, вправе. Он не прогнал доброго старого сверчка, а вежливо пригласил его в новый дом.

ЗВЕНИ, СВЕРЧОК!

5

«Колыбельная» и «Молодежная» зазвучали современно в нынешней записи. И вместе с тем в них легко узнается главное — Дунаевский, его лирическая мелодичность, его время. Но с «возрастом» песня неизбежно что-то теряет, вернее, оставляет в минувшем времени. А если живет дальше, то должна и приобретать...

Кто лучше Николая Черкасова пел песенку «Жил на свете капитан»? Но и сегодня ее прекрасно, по-своему, с новым настроением поют молодые исполнители. И с удовольствием слушают, подпевают ей дети прежних детей, тех, кто когда-то первым смотрел киноленту «Дети капитана Гранта». Стало быть, молода сама песня.

Главное, чтоб не жила песня вымученной жизнью, была нужна людям, пелась сердцем, а не голосовыми связками. Чтоб не становился сверчок уныло насаждаемым сморчком.

Так и эти знаменитые песни Дунаевского, прилетевшие к нам из тридцатых годов. Одними они не забыты, другими заново спеты. А третьими будут впервые услышаны.

Значит, звенит сверчок.

Андрей ЗОРКИЙ

Фото Л. Устинова

Вначале было слово...

Н. ЛАГИНА

Композитор пришел к своей кантате через песню. Поначалу Юрий Стржелинский и не собирался писать кантату, думал, получится несколько развернутых песен с оркестром. Но подхлестнуло, заставив изменить первоначальный замысел, слово, стихи. В частности, ставшие эпиграфом и эпилогом «Эпических песен» строки Гамзатова о времени:

Не все пересыхают ручейки,
Не все напевы время уничтожит,
И ручейки умножат мощь реки,
И славу нашу песня
приумножит.

— Слово—это стержень и в песне и в кантате,—говорит композитор.— Чувствуешь слово— оно у тебя звучит. Не чувствуешь— не звучит. И еще очень важно найти своего поэта, чтобы достигнуть гармонии чувства, музыкальности, смысла. Вот, скажем, нравится мне почерк Андрея Вознесенского, но писать на его стихи не буду: не мое. Мое— это, может быть, Михаил Светлов. Может быть...

Своего поэта Стржелинский, думается, еще не нашел. Поэтому кантата написана на стихи— Р. Гамзатова, И. Уткина, С. Орлова, А. Зауриха, И. Шаферана. Не вносит ли это разноплановость?

— Мне кажется, нет,— говорит Стржелинский. — Стихотворения, положенные в основу «Эпических песен», точны по мысли, контрастны по настроению. Я хотел рассказать о времени, о земле, о людях, о Родине, а это невозможно без контрастов. Стихи, которые я выбрал для кантаты, звучали, в них пульсировала, билась песня. Слово непременно должно звучать, стремиться к людям, в противном случае незачем писать и песни и кантаты... А для того, чтобы эти сложные жанры приводили автора к творческим удачам, нужна большая литературная основа. И я убежден, что композиторский поиск— это и поиск поэзии тоже...

«Эпические песни» Ю. Стржелинского отмечены первой премией конкурса Всесоюзного радио, посвященного 50-летию Октября.

БРАШОВ

В. ГАЙДАМОВИЧ,
корреспондент Центрального
телевидения

Город виден издали. Панорама островерхих крыш открывается с возвышенности...

Археологические находки свидетельствуют, что человек обитал здесь уже в эпоху неолита. Ныне более 320 тысяч жителей населяют второй по величине город Румынии. Надо полагать, через несколько лет о Брашове будут говорить, как о городе ежегодных традиционных международных фестивалей легкой музыки; первый состоялся в 1968 году.

Кроме европейских звезд эстрады, сюда приехали и начинающие певицы. И молодежь не подвела. Жюри отметило Марион Рунг из Финляндии и студентку из Варшавы Урсулу Щепиньскую. Одной из самых популярных мелодий фестиваля стала песня румын-

НА КАРТЕ ЛЕГКОЙ

Н. ГРАЦИАНОВ,
собственный корреспондент
Всесоюзного радио

Старейший в Европе фестиваль в Сан-Ремо не только открывает новые голоса. Значение его скорее в том, что он угадывает вкусы публики на ближайшее время. Помню, после триумфа «крикунов» и «щекотателей нервов» победительницей неожиданно стала Джильола Чинкуэтти, выступающая в спокойной манере.

И в этом году на фестивале восторжествовали песни, написанные и исполненные в традиционном итальянском стиле. Итальянцы еще раз подтвердили, что мелодичность песни и вокальные данные певца — путь к успеху.

Поэтому не удивительна победа известного певца и композитора Серджо Эндриво, исполнившего «Песню для тебя».

САН-РЕМО

ского композитора Иона Кристиною «Ни слезы...»

Но вот поэт, композитор и исполнитель из Бельгии Жак Юстен поднимает над головой фигурку «Золотого оленя». Главный приз он получил за интерпретацию популярной румынской песни «Не плачь, бэби» Элли Романа и за свое произведение «Камелии». «Серебряный олень» присужден Йозефу Лауферу из Чехословакии, жизнерадостная манера исполнения которого покорила и публику и жюри. С «Бронзовым оленем» уехала на родину молодая бельгийская певица Калинка.

На европейской карте легкой музыки появился еще один фестиваль — флажок.

Бухарест.

На конкурсе в Брашове признаны лучшими: Жак Юстен, Йозеф Лауфер, Калинка.

МУЗЫКИ

Вторую и третью премии получили песни молодого композитора Дон Баки «Белый домик» и «Канцоне». Дон Баки известен как автор лиричных мелодий и как исполнитель собственных произведений (он записан на пластинки, часто выступает по телевидению) и как киноактер (играл одного из семи братьев Черви в фильме, посвященном итальянскому Сопротивлению).

Песню Дон Баки «Белый домик» исполняли популярная Орнелла Ванони и молодая певица Мариза Санниня. Любопытно, что ради эстрады Мариза отказалась от спортивной карьеры: она была чемпионкой Италии по баскетболу.

Р и м.

Сан-Ремо. Открытия 68-го года: Серджо Эндриго, Орнелла Ванони. Джильола Чинкуэтти.

...И ВСЕ

БЫЛОЕ

Песня живет в русской поэзии свободно и властно, как водяной в воде. Можно сказать, всякая поэзия — из песни. Но иные в наш век, будто чванные горожанки, стыдятся простого родства. Помилуй бог, не только, чтоб не пелось, — чтоб косноязычило, не читалось.

Песня — дух нашей поэзии. Сам строй стиха песенный. Оттого так многое и поется. И пусть знатоки спорят о том, как именно поется: где песня, где романс. Пусть пишут диссертации о том, что есть что. Почему «Выхожу один я на дорогу» — песня; «Нет, не тебя так пылко я люблю» — романс? Или чем стилизованные «Девичьи-красавицы, душеньки-подруженьки» народнее «На холмах Грузии»? Не наша забота. Думаю, некоторым разница представляется примерно так: если доносящееся из окна пе-

ние подхватывает хором вся улица — песня, если каждый прохожий себе под нос — романс... Но ведь лирика — для каждого в отдельности.

Судьба романса полна превратностей. На заре своей в Испании терпел гонения он за народность, протонародность, как противовес официальному латинскому пению. Времена менялись, менялся романс. То подымался до вершин классики, то опускался до самопародии. А люди пели. И поют. Из поколения в поколение.

Русский романс в своей главной части — это великая поэзия. И Пушкин, и Лермонтов, и весь поющий Фет, и даже ушедший в философскую думу Тютчев. А Денис Давыдов, Баратынский, А. К. Толстой... В пушкинские времена романс определяли как песню, лирическое стихотворение для пения с музыкой. Слава богу, первоклассных лирических стихотворений русской поэзии не занимать. И сами они просились на музыку. И часто получали ее из лучших рук. Впрочем, бывало, что оставался неизвестен композитор, как в тютчевском «Я встретил вас...», или вовсе неведом автор слов, а песня живет сама по себе, знаменитая только своей собственной славой.

В чем все-таки секрет романса, отчего на долгом протяжении волнуется он поющего и слушающего? Наверно, тут взаимодействие стихий: поэзии, музыки и... памяти. И не только нашей. Еще и прапамяти. Романс как бы доносится из прошлого нашего, наших бабушек, нашей страны. Недаром романс чаще всего «старинный». И притягательность его чем-то сродни власти старых книг, с их запахом времени...

Судьба написавшего как бы соприкасается с судьбой поющего, и обе они — с жизнью слушающего. И возникает эта цепь и власть ассоциаций. Личных, исторических.

Не зря говорят, что в песне полнее всего и непосредственнее слышится история...

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт,
и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей...

Это стихи Фета о романсе, посвященные Татьяне Кузминской, свояченице Л. Н. Толстого. Это за

ее песнею дрожали сердца. И Фета и Толстого. Да и само стихотворение давно широко поется, заставляя «дрожать» уже иные сердца...

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило... —
писал старый и уже больной Тютчев. И через сто лет звучит гитара, знакомый нам голос в особенной, какой-то личной тишине повторяет:

Я встретил вас...

Но в том и секрет романса: не нужно быть старым, не обязательно встречать. Достаточно услышать. И оживает все былое.

Ирина СНЕГОВА

Фото Н. Агеева

Страница русского романа.
Поэт заслуженный артист
республики Михаил Новожилин.

Шамиль
МЕЛИК-ПАШАЕВ,
специальный
корреспондент
Всесоюзного
радио

Над океаном, в лайнере мексиканской авиакомпании, предупредительные стюарды — серая форма с оранжевым кантом — сообщили, что в салонах имеются люки, а в спинках кресел — спасательные куртки. В случае надобности люки будут открыты.

Это сообщение несколько развеяло романтическое настроение, в котором мы находились. Но вот самолет полетел над континентом, и все облегченно вздохнули.

Когда мы спустились по трапу в аэропорту Мехико, толпа фоторепортеров суетилась внизу. Я подумал, что с нами прилетела какая-нибудь знаменитость. Но фотографы и меня встретили щелканьем камер.

Через несколько минут все выяснилось — мне предложили купить моментальный снимок: я ступаю на землю Мексики.

У выхода из аэропорта, около маленького киоска, толпились пассажиры. Многие из них держали в руках глянцево поблескивающие фотокарточки. Я подошел к прилавку с сувенирами и купил изящную консервную банку. Она была почти невесомой. Продавец, принимая песо и доллары, приговаривал: «Воздух Мексики, сеньоры! Это воздух Мексики. Когда мексиканец уезжает, он берет с собой воздух Мексики. Как талисман...»

Воздух Мексики действительно особый. Он содержит меньше азота, чем у нас, в равнинных местах. И каждый приезжающий в Мексику проходит акклиматизацию. В течение нескольких дней я ощущал неприятную сухость во рту; едва прибавлял шагу, давало знать себя сердце. Но все же трудности акклиматизации, думается, сильно преувеличены...

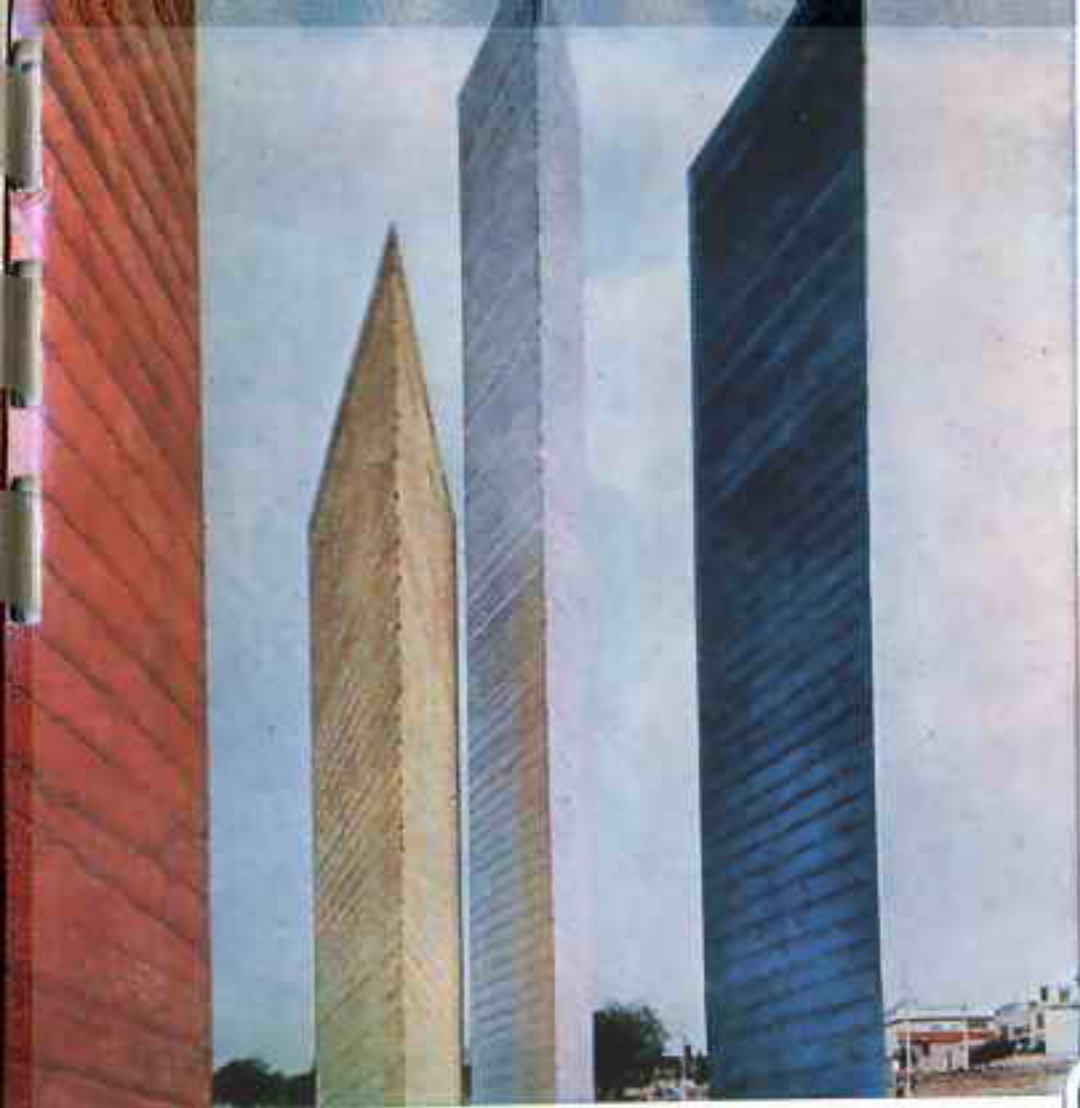
Первая ночь прошла беспокойно — казалось, внизу, на улице, крутили мексиканский фильм. Всю ночь звенели гитары, всю ночь пели квартетами, трио, дуэтами, соло. Погромыхивали выстрелы.

Лишь на рассвете мне удалось заснуть.

А утром все было, как обычно. Только прошел медленно, покачивая перьями, индеец в полном боевом уборе — очевидно, приехал из провинции хлопотать по своим делам. Кстати, через несколько дней, когда был устроен прием для журналистов, приветственную речь мексиканец произнес по-индейски.

Ездить по Мексике, говорят ее жители, значит либо подниматься вверх, либо спускаться вниз. За несколько часов можно полюбоваться ослепительной белизной вечных снегов и побывать в жарких тропиках, где летом в машине чувствуешь себя, как в раскаленной печке; недолго и получить ожог, неосторожно дотронувшись до ручки дверцы автомобиля.

Незабываемое впечатление оставляют гигантские каменные пирамиды индейцев. Они по праву

могут соперничать со своими знаменитыми египетскими сестрами.

Во время Олимпийских игр пирамиды станут частью огромного концертного «зала», в котором будет проходить Всемирный фестиваль искусств.

В один из дней мы побывали на огромном стадионе «Ацтека», зеленом ристалище летней олимпиады и чемпионата мира по футболу. Этот стадион на сто тысяч мест — один из самых благоустроенных. Он сооружен как бы в виде пирамиды навыворот. Одна из его особенностей — отсутствие лестниц; их заменяет система наклонных тоннелей, по которым все зрители могут покинуть стадион за четверть часа. Ложи стадиона закуплены местными миллионерами на многие годы вперед. За каждой ложей — две комнаты гостиничного типа, телевизор, холодильник, душ...

На поле, засеянном пятью сортами трав, осенью пройдут парадным маршем делегации ста двух стран мира. Вспыхнет чаша с олимпийским огнем, который приплывет из Олимпии, повторив путь «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты» до места высадки Христофора Колумба на американский материк.

Мексиканское правительство обратилось ко всем правительствам с призывом: пусть в дни олимпиады затихнут все бои, кроме спортивных.

Однажды вечером, в сумерках, я попал на большую площадь. Такой, пожалуй, не увидишь ни в одной другой стране. «На площади мариаччи (площади певцов), — объяснили мне, — поют с утра и до глубокой ночи. Здесь можно заказать любую песню и певца».

Я провел на площади около двух часов. Меня захватило зрелище, которое показалось возвышенным. И все время не покидало сочувствие к этим людям, вынужденным подчас торговать своими песнями, услаждать слух не всегда благодарных слушателей.

Песни звучали хрипловато, простуженно — стоял необычно холодный месяц. Мариаччи рассказывали в песнях о любви, простые истории о цветке и кинжале, о чернокозой девушке и темной ночи. Собирались и расходились люди, звякали монетки, рокотали гитары. (Одну из песен мариаччи вы услышите на девятой звуковой странице.)

Я был в Мексике по делам Олимпийских игр. Я привез оттуда воздух Мексики — песни.

Мехико — Москва

Век XX, век XVII. Архитектурное оформление входа в спортгородок; храм Санто-Доминго.

слушайте
в
номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

1. В звуковую книгу о Лени-
не. Встречи в Москве, Праге,
Лонжюмо, Париже. Рассказы-
вает писатель Мих. Соколов.

2. «За шесть минут до сво-
боды». Вспоминают венесуэль-
ские коммунисты Симон Нее-
ме, Густаво Виллапаредес.

3. Василий Стеблянок: моно-
лог рабочего человека.

4. Михаил Исановский. Пла-
стинка поэта. Песню «Враги
сожгли родную хату» поет
М. Бернес.

5. Вечно молодой Дунаевский.
Новые записи: «Колыбельная»
и «Молодежная». Исполнители:
Э. Саркисян, квартет «Улыбка»,
мужской квартет и оркестр
п/у В. Старостина.

6. «Эпические песни». Фраг-
менты кантаты Ю. Стржелин-
ского. Исполняют: С. Яковенко,
хор и оркестр.

7. Страница русского романса.
Поет Михаил Новохижин.

8. Любимые роли народного
артиста СССР В. О. Топоркова.

9. Болгария. Песни фестива-
ля: Л. Лисичкова. «Софий-
ская...»; Г. Тимев. «Северная
фея»; В. Бояджиев. «Праздник
цветов». Исполнители: вокаль-
ное трио, К. Семов, ансамбль
«Штурците».

10. Финалисты Брашова и
Сан-Ремо: Жак Юстен — песня
Э. Романа «Не плачь, беби»;
Серджо Эндриво и его «Песня
для тебя».

11. Мелодии с площадью Ме-
хико.

12. А. Колнер, К. Рыжов.
«Эй, ухнем!»: последний на-
бросок Аркадия Ильича Ост-
ровского — «Доверчивая пе-
сня» (аранжировка А. Пахмудо-
вой). Поют: М. Пахоменко,
И. Кобзон.

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки:
Деревня Лучеса.
Смоленщина.
(См. в номере:
«Солдат
из стихотворения».)
Фото А. Лидова.

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Луцкий
Тех. редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
33-73-94, 33-74-59

Б 03331. Подп. к печ.
17/VI 1968 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆. Усл.
печ. л. 1,68. Уч.-изд. л. 1,4
Тираж 250 000 экз. Зак.
1420. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва А-47,
ул. «Правды», 24.

ПОДСТУПЫ К ВДОХНОВЕНИЮ

НОВАЯ ШКОЛА

Актерское счастье, как и всякое, — случай. Молодым еще, в Петербурге, на гастролях МХАТа увидеть «Вишневый сад», возгореться желанием во что бы то ни стало попасть в этот театр, узнать о нем, выспрашивать, все больше и больше настраиваться на мхатовский лад, так, что в работах моих в Александринском и у Корша стали показываться признаки этой новой школы, и по этим признакам быть приглашенным и перейти туда — это ли не счастливая судьба для актера! В этом театре я получил настоящую школу — умение черпать из жизни правду.

Нет слов, самое ценное на сцене — то, что рождается интуитивно. Прежде это называлось вдохновением. И к нему не было подступа: либо сегодня оно есть, либо его нету. А наше искусство такое: в половине восьмого дается занавес, и ты должен играть. Станиславский указал путь к раскрытию интуиции, к вдохновению, к постижению самой сути роли.

О РОЛИ НЕСЫГРАННОЙ. ПОЛОНИЙ.

Сам по себе Полоний не комичен. Он образец «житейской», обывательской мудрости, но образец! И поймите его положение: сумасшедший Гамлет; король, убивший брата и женившийся на его вдове; наконец, дочь Офелия, в которую Гамлет влюблен. Сложнейший ход их отношений нужно ему предугадать, спланировать — ведь он чувствует себя ответственным за судьбу датского государства, он первый придворный. На каком острие он ходил, как был изобретателен в труднейших обстоятельствах, как неудачно окончилась его деятельность... В этой пьесе сама ткань жизни совсем иная, чем, скажем, у Чехова: тут из-за каждого угла могут выскочить и проколоть вас шпагой! Полоний в своем смысле даже герой. А какой он прекрасный, заботливый отец... Если не нужно было бы его сравнивать с Гамлетом, то, казалось бы, таким и должен быть человек.

В этом гений Шекспира, который показывает полно и ту мудрость и эту. А в контрасте с глубоким, поэтичным миром Гамлета мир Полония суетен и смешон.

РОЛЬ ЛЮБИМАЯ. БИТКОВ.

Когда была прочтена пьеса «Последние дни», у многих возникло сомнение, хорошо ли, что автор совсем не выводит Пушкина на сцену.

Но Булгаков был очень чутким драматургом. Особенная острота получалась, когда зрители чувствовали, что вот его комната, смотрели на дверь, за которой был Пушкин. А рядом Дантес объяснялся с Натальей Николаевной. Казалось, что и Пушкин тут, на сцене.

Битков — сыщик, под видом часовщика бывающий в доме поэта. Исчезает, появляется ненадолго, две-три фразы говорит. Потом, правда, у него заключительная сцена, почти монолог. Ну, что же, думаю, сыщик и сыщик. Правда, был у него талант — память необычайная. Забавным казалось, как он докладывает Дубельту все подсмотренное на столе Пушкина: «Буря... мглою... небо кроет...»

Он долго находился около Пушкина, доносил на него, и вдруг этот полуграмотный человек почувствовал громадное величие поэта. И кончается его роль, когда он с раскаянием, пьяный, выкладывает свою душу смотрительнице почтовой станции.

Я долго не мог восстановить по этому пунктиру целое. И сказал Немировичу-Данченко, что может показаться публике скучным последний акт. Ведь историю этой дуэли и смерти знает каждый культурный человек. Он ответил мне: «Поверьте, когда зритель приходит смотреть пьесу, он все словно забывает и жаждет заново узнать все это, как страдал Пушкин, как закусывал руну, чтобы не криннуть, жена чтобы не услышала...»

Он вселил в меня веру, в конце концов я как-то овладел ролью, сыграл. Но уже после того, как сыграл, поехал в Михайловское. Меня поразили эти места. Возле дома Пушкина вниз идет тропинка, крутой обрыв к реке. Горизонт неимоверно широк, я такого в средней России не видел.

Был в Святогорском монастыре, увидел эту могилу и вдруг ясно ощутил, как его ночью привезли сюда. Сперва спутались — ночь — и попали в Тригорское. Я представил себе, как везли его ночью по этим дорогам.

Одним словом, я так напитался, что образ раскрылся предельно. И монолог. До сих пор иногда его играю, хотя пьеса давно не идет.

Василий Осипович Топорков читает монолог, звучавший два десятилетия назад со сцены МХАТа.

В. ТОПОРКОВ,
народный артист
СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

*Молдаванка молодая
Улыбнется, краше дня...
Сердце мечется, плутая,
Вспыхнув, словно от огня.*

Вон Сырбу

Цена 1 руб.